

Оригинальная статья / Original article

УДК 303.446.4 (93)

**Функционирование традиционной православной культуры
в СССР 1940–1980-х годов как историографическая проблема:
ключевые вопросы и возможные пути их решения**

А. В. Апанасенок¹ ✉, И. С. Пудякова¹

¹Региональный открытый социальный институт
ул. Маяковского 85, г. Курск 305090, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью научного осмысления эволюции традиционного конфессионального мировоззрения и соответствующих практик в эпоху советского модерна, а также необходимостью вписать историю православной культуры в общий контекст духовной истории СССР.

Цель исследования – выявление особенностей актуальной историографической ситуации и перспектив исследовательского поиска в области изучения религиозного поведения православных граждан СССР послевоенного периода.

Задачи: анализ специфики изучения конфессиональных процессов в СССР в советской и постсоветской историографии; выявление ключевых вопросов, стоящих перед современной гуманитарной наукой в указанной сфере; выделение перспективных направлений дальнейшего исследования процессов функционирования и воспроизводства православной культуры в СССР.

Методология. В ходе исследования поставленных в статье проблем использовались историко-генетический и сравнительно-исторический методы, а также метод перспективного анализа.

Результаты. В работе показано, что популярность «религиозной» проблематики в постсоветский период предопределила большое количество трудов по тематике государственно-церковных отношений, привлекла внимание исследователей ко множеству отдельных эпизодов церковной истории XX века. В то же время эволюция православной культуры в недрах советского общества практически не становилась предметом самостоятельных исследований у специалистов в области церковного прошлого, будучи затрагиваемая преимущественно в контексте «институциональной истории». Важными проблемами современной гуманитарной науки в указанной сфере являются сохранение установки на противопоставление «советского мира» и православных традиций, а также отсутствие объемных работ, посвященных динамике конфессиональных процессов в СССР.

Выводы. В статье делается вывод о том, что перед современной гуманитарной наукой стоит задача полноценного включения истории православной культуры в историю повседневной жизни советского общества. Ее успешное решение возможно в рамках междисциплинарного научного поиска, сочетающего в себе элементы конкретно-исторического, историко-антропологического, культурно-антропологического и социально-философского исследования.

Ключевые слова: историография; история СССР; православие; конфессиональные практики; советская идентичность.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-09-43066.

Для цитирования: Апанасенок А. В., Пудякова И. С. Функционирование традиционной православной культуры в СССР 1940–1980-х годов как историографическая проблема: ключевые вопросы и возможные пути их решения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 189–200.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Принята к публикации 17.05.2021

Опубликована 25.06.2021

Functioning of Traditional Orthodox Culture in the USSR of the 1940-1980s as a Historiographical Problem: Key Issues and Possible Solutions

Alexander V. Apanasenok¹ ✉, Irina S. Pudyakova¹

¹Regional Open Social Institute

85 Mayakovsky str., Kursk 305090, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is due to the importance of scientific understanding of the evolution of the traditional confessional worldview and relevant practices in the era of Soviet modernity, as well as the need to fit the history of Orthodox culture into the general context of the spiritual history of the USSR.

The purpose of the paper is to identify the features of the current historiographical situation and the prospects for research in the field of studying the religious conduct of Orthodox citizens of the USSR in the post-war period.

Objectives: analysis of the specifics of the study of confessional processes in the USSR in Soviet and post-Soviet historiography; identification of key issues facing modern humanitarian research in this area; identification of promising areas for further research of the processes of functioning and reproduction of Orthodox culture in the USSR.

Methodology. The main methods that were used in the course of the research were historical-genetic and comparative-historical methods, as well as the method of prospective analysis.

Results. The paper shows that the popularity of "religious" problems in the post-Soviet period predetermined a large number of works on the subject of state-church relations, and attracted the attention of researchers to many individual episodes of the church history of the XX century. At the same time, the evolution of Orthodox culture in the depths of Soviet society rarely became the subject of independent research by specialists in the field of the church's past. It was mainly addressed in the context of "institutional history". Important problems of modern humanities in this area are the attitude to the opposition of the "Soviet world" and Orthodox traditions, as well as the lack of extensive works on the dynamics of confessional processes in the USSR.

Conclusions. The paper concludes that contemporary humanitarian science is faced with the task of fully integrating the history of Orthodox culture into the history of everyday life of Soviet society. Its successful solution is possible within the framework of an interdisciplinary scientific search that combines elements of concrete historical, historical-anthropological, cultural-anthropological and social-philosophical research.

Keywords: historiography; history of the USSR; Orthodoxy; confessional practices; Soviet identity.

Funding: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 21-09-43066.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A. V., Pudyakova I. S. Functioning of Traditional Orthodox Culture in the USSR of the 1940-1980s as a Historiographical Problem: Key Issues and Possible Solutions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 189–200. (In Russ.)

Received 14.04.2021

Accepted 17.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

В 2021 г. исполняется тридцать лет с момента распада СССР. Более половины граждан современной России рождены еще в советское время и более трети сохранили о нем отчетливые воспоминания, однако прошлое Страны Советов сегодня является предметом серьезных историографических схваток и даже мифотворчества. Несмотря на хронологическую близость к современности и бесконечное многообразие источников (а может, как раз в силу этих обстоятельств), историки весьма далеки даже от относительного консенсуса в оценках советской действительности. Значительная часть работ, посвященных СССР, имеет явно спекулятивную направленность, будучи написана с «либеральных», «левых», «консервативных» или еще каких-либо ярко выраженных общественно-политических позиций. Напротив, конкретно-исторические исследования, не претендующие на изобличение либо реабилитацию советского строя, пока не выглядят исчерпывающими.

Одной из сфер жизни советского общества, изученной явно недостаточно и в силу этого часто выступающей предметом исторических спекуляций, является его религиозная жизнь. Общеизвестно, что важным элементом советской идеологии был атеизм. Однако можно ли ставить знак равенства между «безбожным» государством и «безбожным» обществом? Насколько атеистическим было советское общество на уровне обыденного сознания и повседневных практик? С одной стороны, советская идентичность, на формирование которой были направлены беспрецедентные усилия со стороны партийных и государственных структур, подразумевала политическую лояльность, принятие марксистско-ленинской идеологии, а также преданность идее

строительства социализма/коммунизма. Нет сомнения, что подавляющая часть населения СССР (по крайней мере в центральной части страны, совпадавшей с районами традиционного распространения православия) в той или иной степени разделяла коммунистические идеалы. Теоретически верующие должны были стать инородным элементом после проведения «культурной революции» и построения «однородного социалистического общества». Однако, с другой стороны, на практике религиозная (и в частности, православная) жизнь оставалась заметной составляющей общественного бытия вплоть до конца советского периода, о чем свидетельствуют всплески конфессиональной активности в периоды ослабления антирелигиозных кампаний, привлечение церковных структур к решению важных общественно-государственных задач, не прерывавшаяся традиция крещений новорожденных и празднования (пусть и упрощенного) Пасхи значительной частью граждан и, наконец, довольно безболезненный переход множества представителей советской номенклатуры в лагерь «сочувствующих» православию в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Перечисленные факты свидетельствуют о практическом согласовании (на уровне повседневной жизни) теоретически несогласуемых идентичностей гражданами СССР. Они же демонстрируют несостоятельность одномерных, категорических оценок духовной жизни населения Советского Союза. Очевидно, что ее объективное научное отражение требует комплексного исследования многообразных ментальных установок, часто носивших полу-секулярный, полу-конфессиональный характер, а также редуцированных форм конфессиональных практик, присущих представителям раз-

ных социальных категорий советских граждан на разных этапах существования советского строя.

Насколько готово научное сообщество к созданию полноценной картины функционирования православной культуры в советское время? В данной статье авторы предпринимают попытку выявить имеющиеся достижения в области исследования истории православия в советский период, проанализировать проблемы, а также наметить возможные пути их решения. При этом в фокусе внимания будет отражение истории православия в 1940–80-е гг., что обусловлено двумя важными обстоятельствами. Во-первых, именно о послевоенном периоде можно говорить как времени формирования советской идентичности у большинства граждан СССР (в том числе в связи с влиянием Великой Отечественной войны, выходом в активную гражданскую жизнь выросшего при советской власти поколения). Во-вторых, указанный временной промежуток, вошедший в историю как период формирования «научного атеизма», характеризовался относительной стабильностью в отношениях между государством и верующими с редкими попытками грубого (насильственного) сворачивания конфессиональных практик.

Методология

В ходе работы авторы опирались на традиционные методы историографического исследования: историко-генетический, сравнительно-исторический, а также метод перспективного анализа. Первый из указанных методов направлен на выявление идейных предпосылок существующих историографических концепций в области изучения православной культуры в СССР, второй – на сравнение этих концепций, выявление их сильных и слабых сторон. Метод перспективного

анализа призван помочь в определении ключевых направлений исследований конфессиональных процессов советской эпохи в настоящее время и в будущем.

В ходе исследовательской работы были также учтены достижения классической социологии религии и социологии культуры в интерпретациях М. Вебера и М. Трельча, повлиявших на формирование основ современного научного взгляда на процессы трансформации традиций в условиях развития общества позднего модерна.

Результаты и их обсуждение

Предваряя анализ проблем, обозначенных во вводной части работы, хотелось бы обратить внимание на распространенный конфликт коллективной памяти и истории (как объективной научной картины прошлого) в сфере отражения конфессиональной жизни в СССР. В мае 2021 г., в ходе интервьюирования пожилой прихожанки одного из курских храмов авторами был задан вопрос: «Посещали ли Вы церковь в советское время?». Прихожанка ответила: «Что вы! Разве в советское время можно было ходить в церковь или в Бога верить? За это наказывали! Я только после перестройки стала ходить»¹. Женщина говорила вполне искренне, однако невольно искажала прошлое. В ходе интервьюирования прихожан того же храма еще несколько человек заявили о том, что во времена СССР посещать храм было почти невозможно. Думается, что, отвечая на поставленные вопросы, они опирались не столько на собственный опыт, сколько на стереотипы о «богоборческом государ-

¹ Материалы интервью Зинаиды Петровны К. – прихожанки курского храма Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, 1955 г.р. (21.05.2021) // Личный архив А. В. Апанасенка.

стве», активно тиражировавшиеся в 1990-е и начале 2000-х гг. и ставшие частью общественного сознания. Разумеется, посещение православных храмов в СССР 1940–80-х гг. не приветствовалось, однако и не запрещалось, равно как не запрещалось крестить детей или частным образом отмечать церковные праздники.

Исторические факты свидетельствуют, что на протяжении послевоенного периода нередко можно было наблюдать конфессиональную активность, не уступающую активности современных верующих. Например, Д. В. Поспеловский отмечает, что в течение Великого поста в 1946 г. только в кафедральных соборах Москвы и Ленинграда причастилось приблизительно по 400 тыс. человек [1, с. 275]. Посетивший СССР в 1954 г. западный историк Г. Рар описывал приходскую жизнь центральной России как довольно активную, отмечая, что православные храмы обычно бывают переполнены молящимися. Он пишет, что в большие православные праздники, особенно на Пасху, служба повторялась по нескольку раз для того, чтобы дать возможность всем желающим поприсутствовать на торжественном богослужении. В такие дни прилегающие к церквям улицы были запружены людьми настолько сильно, что городской транспорт вынужден был останавливаться или изменять маршрут своего движения» [2, с. 77].

Знаменитый крестный ход в Курскую Коренную пустынь, несмотря на свой стихийный характер и вынужденное неучастие священнослужителей, собирал в 1950-е гг. до 20 тыс. верующих [3, оп. 5, д. 10, л. 33]. В этот же период местные уполномоченные по делам РПЦ регулярно фиксировали в своих отчетах факты посещения сотнями школьников разного возраста церковью накануне нового учебного года на уровне отдельно взятых

провинциальных городов: ребята отправлялись на линейки в честь Дня Знаний, предварительно отстояв службы и помолвившись вместе со взрослыми об успехах в учебе [3, оп. 5, дд. 10, 13, 22].

В 1961 г., даже по официальным данным (как правило, занижавшимся), доля крещеных младенцев в некоторых областях СССР достигала 60% от всех родившихся [1, с. 283]. В начале семидесятых советские авторы (опять же стремившиеся к занижению цифр) писали, что «в среднем верующие среди городского населения составляют 20% плюс 10% колеблющихся» [4, с. 54]. К началу восьмидесятых авторы стали регулярно фиксировать факт формирования «новой православной интеллигенции», связанный с обращением заметного количества людей с высшим образованием к церковным практикам [1, с. 374].

Почему же многие россияне, подобно упомянутому выше курским прихожанам, склонны преувеличивать уровень атеизма в СССР? Видимо, решающую роль тут сыграла антикоммунистическая риторика СМИ в первые постсоветские десятилетия. Она сделала нормой категоричность оценок, которую теперь предстоит постепенно смягчать историографии.

Переходя к собственно историографическому анализу, нужно отметить, что эволюция религиозности (в том числе приобщенности к православию) граждан СССР практически не становилась предметом самостоятельных исследований у специалистов в области церковного прошлого, будучи затрагиваема преимущественно в контексте «институциональной истории» (истории государственно-церковных отношений, истории РПЦ). Фактически, эта традиция была заложена еще в советский период, когда авторы, писавшие о функционировании церкви в

советском социуме, периодически обращались к тем или иным конфессиональным практикам. Тогда же историографической нормой стало резкое противопоставление «советского» и «православного». Например, стремясь продемонстрировать отмирание религиозных институтов в советском обществе в силу их несоответствия новому образу жизни, советские исследователи (Е. В. Маят, П. К. Курочкин, М. П. Новиков и др.) писали о деградации религиозного (прежде всего православного) сознания и культа [5]. Естественно, серьезной научной значимости такого рода работы не имеют в силу ангажированности исследователей и идеологически предопределенных выводов.

В постсоветской исторической науке (несмотря на парадигмальное обновление сохранившей склонность к противопоставлению традиционной российской и советской цивилизаций) проблемы церковной истории и государственно-церковных отношений в СССР оказались довольно популярны, о чем свидетельствует заметное число серьезных трудов по соответствующей проблематике. К их числу относятся: «Русская Православная Церковь в XX веке» Д. В. Поспеловского, «История Русской Церкви. 1917–1997» В. Цыпина, «Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг.» О. Ю. Васильевой, «Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве» М. В. Шкаровского, «Русская Православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века)» Ю. В. Гераськина и ряд других работ, тематически близких перечисленным. В них можно почерпнуть определенные сведения о православных практиках советских граждан, которые авторы приводят, иллюстрируя причины либо итоги тех или иных государственных мер

в отношении Русской Православной церкви.

Однако, как правило, сама по себе религиозность населения для историков государственно-церковных отношений – вторичная проблема. В центре их внимания – ограничительные меры государственных структур в отношении деятельности церкви, а также выживание последней как института. Характерным примером тут являются труды известного исследователя М. И. Одинцова [6; 7]. Давая скрупулезный анализ мер, предпринимавшихся государством в отношении церковных структур в советский период, фиксируя их количественные результаты (такие как закрытие-открытие храмов и приходов), ученый уделяет совсем немного внимания их качественным эффектам, т. е. реальной динамике религиозности населения. Ценность его трудов для нашей проблемы, как и других серьезных работ, посвященных государственно-церковным отношениям, заключается, прежде всего, в том, что они дают возможность увидеть исторический контекст эволюции конфессиональных практик советских граждан на отечественной почве до конца 1980-х гг.

Другая группа работ, связанных с изучением религиозности населения в СССР, представлена исследованиями отдельных исторических кейсов. Например, содержательные работы, посвященные истории почитания местных святых, принадлежат П. Г. Чистякову [8]. Удачным примером изучения конфессиональной активности жителей провинциальной России на уровне отдельного региона стал труд немецкого историка У. Хуна, посвященный массовому паломничеству к закрытому монастырю в сталинский и хрущевский периоды [9]. В целом, трудов, так или иначе затрагивающих историю православных практик в разных ре-

гионах СССР, в конце XX и особенно начале XXI в. было издано довольно много. Чаще всего они посвящены попыткам государственных и партийных органов воспрепятствовать тем или иным проявлениям православного традиционализма и при этом содержат описания элементов церковной жизни, существовавшим вопреки партийно-государственной политике. В то же время работы, ретроспективно исследующие религиозность советских граждан на протяжении длительного исторического промежутка на уровне страны в целом, отсутствуют.

Конфессиональная (и в частности, православная) жизнь в СССР могла бы найти отражение в трудах по истории советской повседневности. Однако авторы наиболее содержательных трудов в данной области: Е. Ю. Зубкова, Н. Н. Козлова, Н. Б. Лебина, О. Л. Лейбович, И. Б. Орлов и др., концентрируют свое внимание преимущественно на нормах и практиках, сформировавшихся под влиянием новых (революционных, послереволюционных) культурных кодов. Например, известная исследовательница советского быта Н. Б. Лебина в свою монографию «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю» поместила довольно объемный сюжет о секуляризации брачной обрядности, «красных погребениях», «звездах» с момента их зарождения до упадка [10, с. 170–217], при этом не обратив никакого внимания на ренессанс православных традиций в военное и послевоенное время. Понятно, что конфессиональные практики для советского строя – не норма, а аномалия. Однако следует ли игнорировать эту аномалию, если она оставалась глубоко укоренной в повседневном быту значительной части граждан и порой доминировала над «нормой»?

Анализ общего состояния историографии традиционной православной культуры в СССР 1940–80-х гг. дает возможность выделить две основные проблемы: методологическую и содержательную. Первая связана с особенностями распространенной модели осмысления истории религии (в том числе православия) в Советском Союзе. В рамках доминирующего с 1990-х гг. общественного и историографического дискурса отношения государства и верующих в СССР чаще всего описываются в категориях противопоставления и конфронтации (притеснения-сопротивление, гонения-страдания), что приводит к некоторому упрощению исторической действительности. По сути, такой подход не дает возможности объяснять механизмы ретрансляции конфессиональных традиций, а также феномены «конфессиональных ренессансов» в советском обществе (в военные и послевоенные годы, в период перестройки и 1990-е гг.).

Вторая проблема сопряжена с отсутствием объемных работ, рассматривающих религиозность советских граждан в ее исторической динамике на протяжении нескольких десятилетий. Фактически, именно этот историографический пробел не дает возможности ответить на вопрос о том, насколько «неверующим» было советское общество на разных этапах своего развития.

Думается, что решение первой из обозначенных проблем должно быть связано с корректировкой господствующей историографической модели отражения конфессиональных процессов в СССР, предполагающей резкое противопоставление «советского» и «православного». В частности, перспективным представляется развитие темы совмещения гражданами СССР советской и православной идентичностей, которая пока слабо про-

блематизирована в науке. Не став пока предметом масштабных исследований, она эпизодически поднималась в рамках изучения конкретных исторических феноменов либо локальных социокультурных явлений. Так, конфликт и пересечение идентичностей разбирался украинской исследовательницей Н. В. Шлихтой на примере верующих Украинской ССР [11], а также омским историком Н. В. Воробьевой в ходе исследований биографий священнослужителей РПЦ в советский период [12]. Московским этнографом Е. Е. Левкиевской исследовалась роль пасхальных пищевых кодов в процессе сохранения конфессиональной идентичности лояльными советскими гражданами [13]. Интересные материалы, отражающие идейный синкретизм обыденного сознания населения СССР в послевоенные годы, можно найти в труде Б. М. Фирсова [14]. Проблемы соотношения «советского» («социалистического») и «православного» в практической конфессиональной жизни эпизодически касались также социальные антропологи, как российские – Ж. В. Кормина [15], А. Юрчак [16], так и западные – А. Стоун [17], В. Наумеску [18] и некоторые другие. Думается, что дальнейшее, более предметное изучение смыслов, вкладывавшихся верующими людьми эпохи развитого социализма в указанные категории, а также механизмов их самоидентификации в пространствах сосуществовавших коммунистических и традиционно-православных идеалов существенно углубит научные представления о духовной жизни советской цивилизации.

Решение второй проблемы связано со скрупулезным исследованием источников, отражающих факты приобщенности населения к православным практикам на разных этапах существования СССР, а также анализом факторов, опреде-

лявших ту или иную динамику в указанной сфере.

Несомненно, создание полноценной картины функционирования православной культуры в СССР требует междисциплинарного подхода. Здесь можно выделить как минимум три взаимодополняющих направления исследовательского поиска. Первое из них (чисто историческое) связано со сбором и анализом комплекса сведений, отражающих масштабы и внешние формы православных практик в повседневной жизни страны, социальный, возрастной и гендерный состав их участников в 1940-е, 1950-е, 1960-е, 1970-е, 1980-е гг. Учитывая, что на сегодняшний день отечественная история религии располагает лишь фрагментарными сведениями о конфессиональной динамике в СССР, указанная работа необходима для формирования фактологической основы исследования.

Второе направление работы (историко-антропологическое) предполагает исследование бытования православной культуры в структуре советской повседневности. Оно связано с изучением эволюции православного сознания и практик под влиянием стандартов жизни и культурных кодов СССР, а также обратного влияния (формирование стандартов повседневной жизни советских людей в результате секуляризации православных традиций). Масштабного исследования влияния культурной революции в СССР на повседневную жизнь советских граждан до сих пор не проводилось. Архивный поиск, анализ публицистики и воспоминаний в сочетании с полевой работой (интервьюированием, анкетированием) по данной проблеме даст важное для науки представление о взаимовлиянии советской модернизации и массовой религиозной культуры.

Третье направление (культурно-антропологическое с элементами социально-философского анализа) связано с проблемами совмещения советской и православной идентичности. В его рамках будут изучаться феномены «советских верующих», модели внутреннего согласования гражданами СССР фактов своей принадлежности к советской культуре и православной традиции одновременно, внутренние мотивы приобщения к православным практикам некоторой части советских служащих и партийных функционеров. Основными источниками здесь являются мемуарная и автобиографическая литература, а также материалы интервью/анкетирования.

Основным результатом развития историографии на интересующем нас поле должно явиться опирающееся на широкую базу разнородных источников и не зависящее от корпоративных влияний научное представление о месте православной культуры в обыденном сознании и повседневной жизни советских граждан в 1940–80-е гг. Его конкретными элементами при этом должны стать:

1) обширный комплекс сведений, отражающих масштабы и формы вовлечения представителей разных профессиональных и половозрастных групп советских граждан в традиционные конфессиональные практики в СССР в целом и в отдельных его регионах, совпадающих с ареалом традиционного распространения православия;

2) данные о специфике восприятия (с учетом его эволюции) православных традиций представителями тех же социальных групп советских граждан на протяжении советского периода;

3) научная картина деформации представленных в повседневной жизни части граждан СССР православных практик (праздничные традиции, посещение

церкви, таинство крещения и т. д.), изменявшихся под влиянием формировавшихся государством и партийными органами стандартов «советского» поведения;

4) аналитика, отражающая воздействие урбанизации, средств массовой информации и системы образования, а также иных социально-культурных факторов модернизации на отношение советских граждан к православным традициям;

5) описание конкретных исторических кейсов, иллюстрирующих подспудное влияние православной культуры на секулярные практики советской повседневности (организация быта, межличностные отношения, представления о надлежащем внешнем виде и т.п.);

6) объяснение понятия «советские верующие» через введение в научный оборот и анализ источников по церковной риторике, направленной на согласование православной и советской идентичностей граждан;

7) научное представление моделей самоидентификации советских граждан, допускавших «примирение» советского и православного самосознания;

8) комплекс данных о стратегиях приспособления носителей православных традиций к принятым в СССР нормам повседневной жизни, культурным кодам советской действительности в целом.

Выводы

Итак, предпринятый анализ показывает, что история функционирования православной культуры в СССР 1940–80-х гг. отчасти остается «terra incognita» для современной гуманитарной науки. Популярность «религиозной» проблематики в постсоветский период предопределила большое количество трудов по тематике государственно-церковных отношений, привлекла внимание исследо-

вателей ко множеству отдельных эпизодов церковной истории XX в. В то же время укоренившаяся еще в советское время традиция противопоставления советского образа жизни и православия мешает современным авторам изучать православные практики как элемент повседневной жизни граждан СССР. Соответственно, сюжеты о гонениях-ограничениях в отношении верующих в Советском Союзе до сих пор явно преобладают над сюжетами о функционировании православных традиций в советском обществе и их роли в жизненном мире советских людей.

Современной гуманитарной науке предстоит вернуть православию его «законное место» в истории повседневной жизни советского общества. Для этого важно ответить на вопросы о том, каким

образом миллионы советских граждан совмещали советскую и православную идентичности, какие слои населения выступали в качестве основных носителей православных устоев на тех или иных исторических отрезках, насколько эффективной была государственная пропаганда атеизма с точки зрения ее влияния на внутренний мир граждан. Весьма интересен и вопрос о подспудном влиянии традиционной православной культуры на повседневное поведение граждан, формально отошедших от религии.

Успешное решение этих вопросов возможно в рамках междисциплинарного научного поиска, сочетающего в себе элементы конкретно-исторического, историко-антропологического, культурно-антропологического и социально-философского исследования.

Список литературы

1. Пospelовский Д. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
2. Рар Г. Плененная Церковь: очерк развития взаимоотношений между Церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. 275 с.
3. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 5027.
4. Сухов А. Д. Религия как общественный феномен. М.: Мысль, 1973. 144 с.
5. Русское православие: вехи истории / под ред. А. И. Клибанова. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
6. Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. 310 с.
7. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 421 с.
8. Чистяков П. Г. Почитание местных святых в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940–1950-е гг. // Религиоведение. 2006. №1. С. 38–50.
9. Хун У. С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4. С. 232–256.
10. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 483 с.

11. Шлихта Н. В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2012. № 23. С. 82–107.
12. Воробьева Н. В. Конструирование «советской» идентичности в автобиографиях омских архиереев // Омские научные чтения – 2019: материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Омск: Омский гос. ун-т, 2019. С. 962–963.
13. Левкиевская Е. Е. Пасхальная пища и пасхальное застолье в советское время как инструмент сохранения религиозной или семейной идентичности // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 58–70.
14. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: История, теория, практики. СПб.: Европейский Дом, 2008. 544 с.
15. Кормина Ж. В. Паломники: Этнографические очерки православного номадизма. М.: ВШЭ, 2019. 351 с.
16. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.
17. Stone A. “Overcoming peasant backwardness”: the Khrushchev antireligious campaign and the rural Soviet Union // Russian Review. 2008. Vol. 67, No. 2. P. 296–320.
18. Naumescu V. Modes of religiosity in Eastern Christianity: religious processes and social change in Ukraine. Berlin: Lit Verlag, 2008. 255 p.

References

1. Pospelovskij D. V. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p.
2. Rar G. Plenennaya Cerkov': ocherk razvitiya vzaimootnoshenij mezhdru Cerkov'yu i vlast'yu v SSSR [The Captive Church: An Essay on the Development of Relations between the Church and the Authorities in the USSR]. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1954. 275 p.
3. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. 5027.
4. Suhov A. D. Religiya kak obshchestvennyj fenomen [Religion as a social phenomenon]. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 144 p.
5. Russkoe pravoslavie: vekhi istorii [Russian Orthodoxy: Milestones of history]; ed. by A. I. Klibanova. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 719 p.
6. Odincov M. I. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom [The Russian Orthodox Church in the XX Century: History, relations with the state and society]. Moscow, CINO Publ., 2002. 310 p.
7. Odincov M. I. Russkaya pravoslavnaya cerkov' nakanune i v epohu stalinskogo socializma, 1917–1953 gg. [The Russian Orthodox Church before and during the era of Stalinist Socialism, 1917–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014. 421 p.
8. Chistyakov P. G. Pochitanie mestnyh svyatyh v sovetskoe vremya: palomничество k istochniku v Kurskoj Korennoj pustyni v 1940-1950-e gg. [Veneration of local shrines in Soviet times: pilgrimage to the spring in the Kursk Korennaya pustyn in the 1940s and 1950s.]. *Religiovedenie = Religious studies*, 2006, no. 1, pp. 38–50.
9. Hun U. S ikonami i pesnopeniyami, ili episkop, sbezhavshij ot svoih prihozhan. Massovye palomничества v Rossii epohi Stalina i Hrushcheva [With icons and hymns, or a bishop who has run away from his parishioners. Mass pilgrimages in Russia of the era of Stalin and

Khrushchev]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* = *State, religion, Church in Russia and abroad*, 2012, no. 3–4, pp. 232–256.

10. Lebina N. B. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stilу* [Soviet everyday life: Norms and anomalies. From War Communism to the Grand Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 483 p.

11. Shlihta N. V. "Pravoslavnyj" i "sovetskij": k voprosu ob identichnosti veruyushchih sovetskikh grazhdan (1940-e – nachalo 1970-h gg.) ["Orthodox" and "Soviet": on the question of the identity of believers of Soviet citizens (1940s-early 1970s)]. *Antropologicheskij forum* = *Anthropological Forum*, 2012, no. 23, pp. 82–107.

12. Vorob'eva N. V. [Constructing the "Soviet" Identity in the Autobiographies of Omsk Bishops]. *Omskie nauchnye chteniya – 2019. Materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Omsk scientific readings-2019. Materials of the Third All-Russian scientific conference]. Omsk, Omsk St. Univ. Publ., 2019, pp. 962–963.

13. Levkievskaya E. E. Paskhal'naya pishcha i paskhal'noe zastol'e v sovetskoe vremya kak instrument sohraneniya religioznoj ili semejnoy identichnosti [Easter Food and the Easter Feast in the Soviet Era as a tool for preserving Religious or Family Identity]. *Etnograficheskoe obozrenie* = *Ethnographic review*, 2012, no. 5, pp. 58–70.

14. Firsov B. M. *Raznomyslie v SSSR, 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya, praktiki* [Dissent in the USSR, 1940s-1960s: History, Theory, Practice]. St. Petersburg, Evropejskij Dom Publ., 2008. 544 p.

15. Kormina Zh. V. *Palomniki: Etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims: Ethnographic Essays on Orthodox Nomadism]. Moscow, VSHE Publ., 2019. 351 p.

16. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 661 p.

17. Stone A. "Overcoming peasant backwardness": the khrushchev antireligious campaign and the rural Soviet Union. *Russian Review*, 2008, vol. 67, no. 2, pp. 296–320.

18. Naumescu V. *Modes of religiosity in Eastern Christianity: religious processes and social change in Ukraine*. Berlin, Lit Verlag, 2008. 255 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, проректор по науке и международным связям, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector on Research and International Relations, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Пудякова Ирина Сергеевна, кандидат географических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ipudyakova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8794-8958

Irina S. Pudyakova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of Humanities department, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ipudyakova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8794-8958